

Званный гость

СЛЫШАТЬ ДРУГОГО

Г. Коциянчич

С Гораздом Коциянчичем беседует член редколлегии альманаха Татьяна Ковалькова

— Представляю нашего гостя: словенский философ и поэт Горазд Коциянчич. Он родился в 1964 году в Любляне. Основное направление его творчества — создание синтеза постмодернистской философии и христианской духовной традиции. Его особый исследовательский интерес — греческая философия. За последние десять лет он перевёл и прокомментировал полное собрание сочинений Платона, за что был назван «Личностью года» в Словении в 2004 году.

Он также является автором нескольких оригинальных философских книг: «Тем, кто снаружи», «Между Западом и Востоком», «Опосредования. Введение в христианскую философию», «Критика. Раз-бытие. Семь радикальных эссе», которые переведены на европейские языки.

Предметом изучения являются и различные течения современной философской мысли (автор перевода на словенский и предисловия к книге Эммануэля Левинаса «Время и Другой», 1998), а также патристика (творения святых отцов Церкви). Им осуществлён уникальный перевод всех сочинений Дионисия Ареопагита, некоторых текстов Максима Исповедника, Григория Нисского, Иоанна Златоуста и других. Является ответственным редактором канонического перевода Нового Завета на словенский язык.

Занимаясь переводами философских и богословских книг, увлёкся и литературными переводами. Им переведены с древнегреческого и прокомментированы поэтические тексты Парменида («Фрагменты», 1995), с древнееврейского — тексты поэтов Средневековья, с немецкого — стихи Ангела Силезского, Фридриха Гёльдерлина, Райнера М. Рильке, Пауля Целана. Подготовлена антология греческой христианской поэзии.

В 2000 году вышла первая книга и его собственных стихов «Твои Имена» (сейчас их уже три). Особенно трепетно относится к России. Им переведена на словенский язык книга Владимира Соловьёва «Духовные основы жизни». Россию посещал два раза (только Петербург), последний раз в мае 2009 года, представляя русский перевод своей книги «Опосредования» (переводчик — Павле Рак, редактор — Павел Кузнецов. Издательство «Алетейя»). По его словам, здесь он ощутил момент истины, поскольку сегодняшний мир именно такой, каким он предстаёт в современной России. Но эта Россия, к сожалению, не имеет ничего общего с той страной, о которой можно узнать из произведений русских классиков.

– *Какой основной результат Ваших философских поисков?*

– Если говорить коротко, я начал с опыта современных философских бесед в различных философских школах, которые были хорошо известны в Словении и которые сейчас получили международное признание. Это школа Лакана в Любляне — Славой Жижека и других, школа Хайдеггера, которая очень важна, хотя и не имеет широкого признания. Современный мир медленно забывает о более чем тысячелетней традиции христианской мысли.

В то время я уже был вовлечён, с одной стороны, в чтение современных философских книг, а с другой стороны, в чтение и перевод святы отцов церкви. Я обнаружил, что эти два поля абсолютно разъединены. Сегодня философы и филологи современных школ не заинтересованы в исследовании актуальности святоотеческих текстов. Это было моей первой мотивацией: показать на примере развития современной философии, почему умирают тексты христианской традиции. Я обратился к самому началу, к апологетам апостольской традиции Александрийской школы, к трудам Максима Исповедника, западных мистиков — Майстера Экхарта и других, и обнаружил, насколько актуальны эти тексты для современной философской мысли. Результат этих размышлений отразился в переключке между заголовком и подзаголовком моей книги, который по-русски звучит так: «Опосредования. Введение в христианскую философию». Она открывает пространство современной мысли для принципиально забытой традиции, в то же время позволяет христианам, которые пребывают в жизненном контакте с этой традицией, увидеть, что именно из неё продолжено современной философией. Для концептуализации христианского наследия это не так неожиданно, как может показаться на первый взгляд.

Т. Ковалькова

– *В какой же точке пересекаются эти два направления философской мысли?*

– Моё утверждение — точкой пересечения является опыт, передающийся от одного к другому. Современная философская мысль вполне может быть охарактеризована как постметафизическая в постмодернистском значении. Она отрицает всеобщность причины, по которой формулируется всеми признаваемый дискурс. Это связано, конечно, с критикой метафизики Кантом, с ницшеанскими выпадами против европейской культуры, которая представлена платонизмом. Возможно, наиболее важный аспект связан с критикой теологии Хайдеггером, как фундаментальной составляющей западной мысли. Таким образом, постмодернистская мысль направлена против богословской традиции. По моему утверждению, в этом и состоит апофатическое значение христианской мысли, которая всегда критикует попытки ниспровержения богословия даже в виде *avant la lettre*. Вот каким образом вся история западной рационалистической метафизики была уже предвосхищена в работах святы отцов как западной, так и восточной традиции.

Я не пытаюсь сказать таким образом, что идеи постмодернистов, например, Деррида или Хайдеггера (последнего мы даже не можем назвать таковым, хотя он и положил начало такому типу мышления), можно идентифицировать как идеи христианской традиции. Для меня большое значение имеет то, что с философской точки зрения их критика метафизического мышления в различных онтологических, антропологических, эстетических, этических, эротологических аспектах не относится всецело к основополагающим моментам христианского мышления. Конечно, это значит, что с одной стороны апофатическое напряжение, которое является главной точкой, где нет взаимодействия между традиционным духовным мышлением и постмодернистским, является в то же время точкой которая даёт нам возможность увидеть, что основное отличие заключено между современным опытом и личным опытом существования человека. Опыт бытия, в свою очередь, есть опыт именно в христианском понимании значений. С этого я начал мои размышления. Сейчас я работаю над собственной философской системой, совершенно необычной для нашего времени, которая рассматривает то, что существует вне всякого посредничества. Я пытаюсь ответить себе на вопрос: что такое трансцендентальные состояния в разных онтологических системах, в чём, например, разница между постмодернистским опытом существования человека и традиционным. Таким образом, я нахожусь в процессе работы над очень парадоксальной, очень трудной антропологической системой, которая откроет возможность понимания совершенно разных самоидентификаций в истории философии.

— *Насколько Ваша позиция в современной философии является оригинальной?*

— Следует знать, что философия не является наукой, во всяком случае, не только. Нет ни одной философской системы, в которой ясно разделена методология (по которой определяется оригинальный вклад) и то, что фиксируется благодаря этой методологии. Философия в этом смысле больше приближается к искусству. Мы не можем отделить содержание философской системы от её стиля, от способа постановки вопросов, способа изложения, словом, от её формы. В этом смысле, я убеждён, всякая философская работа по сути своей оригинальна. Именно в этом смысле я и могу утверждать, что моя система абсолютно оригинальна. Однако я не являюсь жертвой современной страсти обязательно говорить что-то новое, отличное от других. Главным критерием хорошей философской системы, по моему мироощущению, является её способность давать разным голосам духовной традиции говорить о своём актуальном опыте.

Я думаю, что все самые важные мыслители в современной философии не смогли услышать, о чём в действительности говорят тексты других авторов. Если мы посмотрим, например, на работы самого крупного философа, живущего в Италии, Джоржио Агамбена и его интерпретацию Послания к римлянам апостола Павла, мы увидим, что он обращает Послание святого Павла в свои собственные мысли таким образом, что слова Павла в действительности являются словами Агамбена. Или, если мы читаем текст

Славой Жижека о христианстве, мы видим, что он пытается свести основополагающие истины христианства к новой революционной идеологии («New Leftist» — одноименно названа и его книга). Можно было бы указать и на политический протест в контексте их размышлений, но здесь важнее отметить нечто новое. Я думаю, что такой способ искажения текста других авторов является знаком очень глубокой философской проблемы. Именно здесь я пытаюсь, в антропологическом контексте, открыть новый подход к пониманию текста другого автора, который бы позволил услышать голоса разных традиций, что в действительности они доносят до нас.

— *Когда Вы говорили, я поймала себя на мысли, что невозможно так ясно понимать ситуацию, если у тебя нет личного духовного опыта. Это справедливо?*

— Да, конечно, это правда. Говорить о духовных текстах, например, христианской традиции, или текстах современной философии без духовного опыта невозможно. Я в этом убеждён. Возможно, это одна из отправных точек моей антропологии.

Духовный опыт в этом смысле есть то, что не может быть абстрактным. Бытие человека невозможно без духовного опыта хотя бы потому, что нам открывается таинство смерти. Мы всегда, признаём ли мы это или нет, стоим лицом к лицу с радикальным (церковным — Т. К.) сообществом. И мы всегда, если мы живём, имея впереди смерть, мы всегда каким-то образом определяем нашу позицию по отношению к этому сообществу. И если мы действительно хотим понять духовные тексты, где это сообщество открывает лицо, где православие становится «светом жизни», то нам необходимо принять участие в этом опыте. В противном случае, у тебя нет права говорить об этом. Это очень важно.

Существуют разные степени участия в духовном опыте. Я не пытаюсь сказать, что имею мистический опыт святых отцов, но думаю, что он интересен всем, кто читает христианскую литературу. Я не представляю, как можно двигаться дальше без этого опыта чтения. Эти тексты не только описывают то, что уже происходит в твоей внутренней жизни, но являются проводником в те сферы, на которых лежит запрет. Они как проповедники, ибо ты понимаешь вдруг, что, возможно, на следующий год, на следующий день или в следующую секунду произойдёт изменение в глубине твоих чувств. Но даже если эти тексты полностью не захватывают тебя, это не значит, что они лишены смысла.

— *С точки зрения нашей Православной церкви невозможно быть настоящим христианином, не будучи человеком воцерковлённым. Как Вы думаете?*

— Для начала должен сказать, что я сам — член церкви. Я был крещён в католической церкви и посещаю службу каждое воскресенье. Я практикующий католик, таким образом. Однако я не представляю себе католицизм как нечто одно и единственное, выражающее христианство. В этом отношении мне очень близки мысли Николая Бердяева, его понимание церк-

ви, его особенный путь вхождения в православие. Я также разделяю мысли в этом отношении известного протестантского богослова Карла Барта: мы не соединяем церкви, а открываем единую церковь. Это значит, что основная реальность христианской жизни заключена в личном духовном опыте конкретной личности, которая верит в Святую Троицу, Иисуса Христа, как Бога и человека, умеет молиться и имеет личные отношения с Богом. И, конечно, если ты рождён и воспитан или живёшь в обществе, где есть определённая христианская традиция церковной жизни, то признание её — есть проявление нашего смирения, которое является главным духовным опытом, необходимым для исполнения незыблемых законов литургической жизни. Тем не менее, я должен признать, что я знаю христиан, которые не являются членами церкви в обычном понимании.

— *Возможно ли стать христианином без помощи церкви?*

— Я полагаю, что возможно, ибо Дух имеет множество форм, и мы не можем это ограничить. Действительно, есть, например, в протестантском контексте, формы проявления духовной жизни, которые довольно необычны для нас, но это очень искренне. Мы не можем уличить их в обмане ни в буквальном, ни в переносном смысле. Здесь легко ошибиться. Главная христианская позиция, как я вижу, заключается в уважении других христианских традиций, не только православия и католицизма, но также протестантизма, азиатской и ближневосточной церковью (которые формально не являются православными), монофизитской церкви и других. Нам, как христианам, следует найти смирение в себе, чтобы увидеть все богатства, которыми изобилуют другие традиции. Таким образом, я считаю регулярные церковные службы — одной из основных форм общественной церковной жизни. Однако не следует отождествлять её со всей христианской жизнью. Хорошо известно также, что регулярное посещение церкви связано часто не с духовной жизнью, а с исполнением традиции по внешним признакам. Это больше признак культурной идентификации, чем реальная духовная необходимость. Возможно, посещение церковных служб, как вид послушания в современной церкви, не является духовной вещью по определению. Это становится частью духовной жизни только тогда, когда у вас растёт убежденность, что это ваше внутреннее, что у вас есть радость от участия в общей молитве.

— *Вы полагаете, что есть много путей достижения главных целей духовной жизни?*

— Да, я думаю, что существует множество путей и не только в христианстве. В своей книге «Опосредования» я коснулся только христианства. И всё же я убеждён, что главной задачей христианской мысли сегодня является пересмотр позиций во взаимоотношениях с другими религиями. Конечно, нам не следует ничего менять принципиально, кроме одного — радикализма. В течение 1990-х годов XX века мы враждовали только с другими религиозными культурами, имея самые абстрактные представления о них. Но поначалу мы ещё были способны увидеть духовные сокровища в этих

традициях. Например, разнообразие и невероятную притягательность традиций мистики ислама и суфизма; увлекательную философию в духовной культуре Индии — буддизме и других. Если мы сегодня останемся жить нашими абстрактными идеями, полагая, что другие религии являют только человеческое, и проповедовать Бога, и понимать христианство или даже нашу собственную церковь как единственный путь к Богу, то будем пребывать в прежних иллюзиях. В мире глобализации такие иллюзии становятся даже опасными (имеется в виду, что конфронтации на религиозной почве в современном мире опасны угрозой глобальной катастрофы). Это не означает, что нужен некий вид синкретизма. Это значит, если я — христианин и действительно верю, что Бог был воплощён в Иисуса и этот воплощённый Бог — Иисус Христос — Бог и человек, то я понимаю, что это совершенное самооткровение Бога. «Бог в своём воплощении не становится постижимым и очевидным, но оказывается ещё более таинственным» (Паскаль). Необходимо знать, как соединить эту тайну, которая есть Бог, есть опыт абсолюта, с опытом других религий, восхищение с изучением других традиций.

— Если мы хотим понять другого человека, который пришёл к нам из другой системы, другой религии или иной христианской конфессии, что нам может помочь в этом? Насколько я Вас поняла, это только вопросы личного существования или нет?

— Дело в том, что реальность другого человека очень схожа, всегда таинственно, с существованием абсолюта. Вот почему я также развиваю в своей книге, базируясь на Григории Нисском, апофатическую антропологию. У святого Григория есть одна прекрасная мысль об образе Бога в бытии человека. Он говорит: «Нет, это не интеллект, это даже не свобода. Это тайна». Каждый человек есть образ Бога, потому что бытие каждого человека настолько непостижимо и непонятно, как и бытие Бога. Мы не знаем в действительности, кто есть другой на самом деле. Мы имеем подобное в наших отношениях с абсолютом, на уровне чувства. Мы, если хотите, только обмениваемся энергиями. В наших отношениях с другими людьми, которые, как Вы сказали, пришли из другой системы, важно, имея полное смирение, истолковывать это чувство как чувство тайны бытия человека. Сердце каждого человека действительно знает только Бог и никто больше. Нам доступно лишь предварительное понимание другого. Но я убеждён, что наш долг, наш христианский долг состоит в том, чтобы читать чувства в смирении и любви. Всегда.

— Ещё один актуальный вопрос, не относящийся напрямую к обсуждаемым нами проблемам. Ваше отношение к рок-музыке?

— Я слушал раньше рок-музыку довольно много. Сам играю на гитаре. Последнее занятие мне больше нравится. На сегодняшний день у меня другие вкусы: ранняя европейская музыка эпохи Средневековья, Ренессанс, барокко. Много слушаю музыки «ethno». Оба моих сына имеют музыкальное образование. Они приносят мне информацию о том, что снаружи. У

одного есть своя рок-команда, которая сейчас играет электронную музыку. Интересуются также India-rock, независимым роком.

— В 1970-х годах Pink Floyd пели: «*hanging on in quiet desperation is the English way*». Сегодня это уже не так сильно звучит, потому что отчаяния становится всё больше и больше. Есть ли иной путь для молодых решить свои проблемы?

— Поскольку я отец двух входящих в жизнь сыновей, то, конечно, я много думаю об этой проблеме. И моя основная позиция — это больше смирения и уважения свободы другого человека. Я убеждён, что родители и педагоги не должны воевать с детьми и ограничивать их свободу. Свобода всегда опасна, как меч обоюдоострый. Предоставлять свободу другому — это всегда причинять боль себе, потому что ты видишь возможность катастрофы. Но, тем не менее, я думаю, что есть один главный урок духовности в каждой традиции. Личный опыт свободы полон опасности, но в то же время ты можешь открыть именно то, что нужно тебе. Я лично не хочу навязывать мои духовные ценности другим, в том числе моим детям. Надо научиться уважать отчаяние молодого поколения, помня, что мы тоже прошли определённые стадии в своей жизни. Есть надежда, что опыт даст им обрести нечто своё и духовную полноту чувств.

Вторая часть Вашего вопроса — пути выхода из этого состояния. Это глобальная проблема последнего времени. Мы стоим на пороге невероятных культурных перемен. Никогда прежде опыт человечества не менялся с такой скоростью. Большая часть непонимания молодого поколения связана именно с тем, что они живут в совершенно другом мире. Изменяются возможности выразить себя, пути получения жизненного опыта. Это ещё одна причина, по которой следует быть очень осторожными, прежде чем судить их. Мы переживаем особенный период в истории человечества, и нам надо научиться быть терпеливыми.

— *Может быть, именно поэтому рок-музыка не только для подростков.*

— Да, конечно. Рок-музыка очень витальна, напориста и немедленно реагирует на злобу дня. Поэтому она даёт возможность для мощного самовыражения, для получения немедленной реакции на твоё послание. Это то, что я действительно ценю в рок-музыке. Но есть причина, по которой я теперь её не слушаю. Она для меня наполнена земным, сиюминутным. Структурно рок-музыка представляет собой, с одной стороны, огромное количество сложных, интригующих композиций, с другой — очень простые инструментальные приёмы в очевидном, ожидаемом развитии. Мне не доставляет удовольствия слышать ни то, ни другое.

— *В рок-музыке всё от противоположного. Можем ли мы в этом смысле говорить о том, что она апофатична?*

— Молчание в апофатике — это не только молчание (равновесие), но также крик (в молчании). В этом смысле рок-музыка не апофатична. Она

слишком громкая. Но если под главным злом рок-музыки мы понимаем крик, как протест, крик, никому конкретно не адресованный, безнадежный, — значит, мы попадаем в центр апофатики.

— *Могли бы Вы определить, чем постмодернистская система мышления отличается от апофатической? Я спрашиваю Вас не как философа, но как поэта.*

— Постмодернизм, как мы уже говорили, есть отказ от позиции предчувствия. Это признаётся всеми. Мы могли бы согласиться с правотой такого мировидения, такого восприятия реальности, если бы были предъявлены серьёзные аргументы в дискуссии, базирующиеся на определённой системе доказательств. Именно здесь постмодернистская система терпит крушение. Она состоит из множества осколочных фрагментов, и нет ни одного значительного описания, которое понималось бы всеми одинаково. Поэтому у нас нет основания квалифицировать постмодернизм как апофатический опыт.

Есть множество попыток выразить постмодернистский способ ощущения реальности. Самая успешная из них и по-своему выдающаяся, по моему мнению, принадлежит Жаку Деррида. Иногда ему напоминают, со времени написания книги «О грамматики», что его способ мышления очень сильно напоминает апофатический. Он это активно отрицает, подчёркивая, что в апофатике всегда присутствует черта традиционной метафизики. Им написана книга «Как избежать говорения» («How to avoid speaking»), в которой проявились его сомнения. Это попытка разрушить апофатизм Дионисия Ареопагита и Майстера Экхарта. Там он радикально отрицает силу Бога. Но, мне кажется, он не преуспел в этом отрицании. Напротив, в этой точке отрицания проявились, наконец, доказательства постмодернистского опыта реальности. Но одного такого фрагмента недостаточно для причисления к апофатике. Это постмодернизм наоборот, который пытается построить каким-то образом замок вне апофатического опыта (выхода к свету — Т. К.) и становится жертвой метафизики с её тёмным мироощущением. Только когда радикально меняются мысли, может открыться тайна, которая отражена в апофатической традиции.

— *В каком виде катафатическая система может существовать в поэзии?*

— Это очень хороший вопрос потому, что не только весь мир принадлежит катафатике, но она имеет и текстуальное выражение. Более того, лучшим выражением апофатики является чувство катафатики. Человеческий язык может дестабилизировать себя, в то же время в нём заложена способность к саморефлексии. Это даёт возможность войти тишине в язык. В этом и заключается тайна поэтической речи. Я уверен, что поэзия может выразить ту тайну, которая лежит в центре и моей философской системы, — тайну личного существования, которую я назвал «ипостась». Это всегда очень конкретно. Язык, который даёт возможность формулировать эту тайну в словах, и есть поэзия.

«ТВОИ ИМЕНА»

Фрагмент книги стихов. Любляна, 2000 г.

Авторское предисловие

Названия стихотворений книги «Твои Имена» были взяты из списка имён, данных Богочеловеку или Спасителю. Этот список был составлен несколько веков назад неизвестным византийским христианином. Он записал различные имена один за другим, создавая своего рода священный каталог. Однако множество имён, встречающихся в Библии, не вошли в него, — те, которые показались слишком личными. Наряду с этим, вошли те имена, которые выглядят случайными.

Поэзия, осмеливающаяся выразить словами опыт Абсолюта и обнаружить себя для кого-то, выглядит ещё более случайной. Те выражения, которыми она оперирует, не вполне определены и взаимосвязаны. Они результат самого внимательного и деликатного отбора слов.

Мои стихи не претендуют на многое. Они написаны не для критиков, которые, исходя из своего несформировавшегося кругозора в отношении (не) метафизического опыта и поддержанного лишь эстетическим чувствованием, судят и оценивают опыт, который, по существу, чужой для них. Эти стихи созданы для друзей, знакомых и незнакомых, словенских и других. В них я пытаюсь выразить то, что не могу выразить ни в какой другой манере. Если у меня это получилось, значит, стихи хорошие, если нет — то плохие.

Говоря это, я не желал бы предохранить свои слабые и несовершенные творения от критической оценки. Я просто хочу, насколько возможно, критическое чтение углубить и расширить, переместить его в ту плоскость, где рассуждения в отношении поэзии и духовного опыта будут существенны и чётко очерчены.

И ещё, в этом скрытом импульсе, в этой не поэтической компиляции имён Сущего правда поэзиса открывает их величие. Возможно, я почувствовал благодаря этому древнему каталогу необходимость в новом виде поэзии, новой речи, новом общении, главная цель которого быть понятым именно друзьями. *Nova et vetera* в области поэзии означает сочетание свободы выражения с тематическим, интеллектуальным, духовным единством стиха в их новой простоте.

Имя требует стихотворения, одновременно есть стихи, которые уже найдены в имени. «Имена Божии» — это странная синтагма прошлого — это не имена чего-либо отличного от мира, жизни, любви, всех отношений и опытов, из которых соткано моё существование. Наоборот, эти имена выражают всё. Бог есть всё, не будучи чем-то конкретным. Когда я даю Ему имя случайно, лично, то даю имя последней тайне мира, которая не принадлежит этому миру. В этом абсолютная правда поэзии. Поэзия, которая не даёт имя Богу, не является поэзией. Когда я даю имя Богу, то вхожу в мир опыта, который больше не принадлежит только мне. Я пытаюсь «поэтически» привнести в мир полноту моего бытия. Таким образом, эти тридцать три стихотворения-имени находят свои названия. Встретились ли они с тем, что породило их самих и их необратимость в каком-то ином мире?

Он, Который есть

Стих — это
когда
ты
будешь назван
в мою честь.

Из пустоты
Твоё имя выплывает,
словно дельфин
всплывает из моря,
серо-голубой,
неведомый.

* * *

Всё
что было хорошего
было Тобой.
И даже когда тебя нет

что подобно небытию
Твоё конечное имя предстаёт
словно дельфин
всплывает из моря
серо-голубой
как тень бесконечности.

Правда

Я могу воспеть Тебя в последний миг.
Я могу испить Тебя.
Ты то, что ты есть
ты тот, кто ты есть.
Убираешь мои пустоты
ты, который ужасен,
который неизвестен,
единственный.

Отражение

Имена — это правдивые мысли.
Они сжаты,
сотворены по подобию смертных,
украдены от Твоей благодати.
Их не скрывают
за горечью
или за раздвоенным сердцем
или за тенью смысла
или за солнцем мира.

Отец грядущего времени

Позволь ему идти,
и оно пройдёт,
молчаливо,
спокойно.
Ты князь тишины.
А если нет?
Я знаю твои причуды, святой Чародей.
Это не моё.
Ещё я жду Тебя, Тебя.
Молчаливо,
спокойно.

Жизнь, которая стала смертью

Я полагаю так: слово может жить
и оно может умереть.
Как Ты.
Как явишь себя.
Сейчас ночь
потому что они забыли, все в огне,
Твои Имена.
Обычно всё меняется.
Смены веков,
Орфей,
тобой освобождённые звёзды.
Но Логос могуч:
сила для преображения.
Творение
что не зовёт из небытия, опять,

но с кончика пальца –
имя, которое новое,
которое ожило,
которое больше момента,
больше миров.

Имя Божие

Как я должен назвать Тебя,
по имени,
без посредника?
Не производя шума и не касаясь земли,
Ничего не творя и не обещая?
Как я должен назвать Тебя,
у которого не может быть Имени?

*Перевод с английского Т. Ковальковой
Публикуется впервые*